

П.А. Слепцов – основатель семасиологических направлений якутской лексикологии

Статья посвящена научной деятельности доктора филологических наук, профессора, академика АН РС (Я) П.А. Слепцова как зачинателя семасиологических направлений, кропотливо и основательно исследовавшего процесс разработки и внедрения норм во всех аспектах якутского языкознания, в том числе в лексическом фонде якутского языка. Статья построена так, чтобы наиболее всесторонне показать результаты, полученные профессором П.А. Слепцовым в работе с лексическим составом якутского языка, опираясь на его теоретические обобщения. Особое внимание приковано к рассмотрению процесса и характера влияния заимствованной русской лексики на якутский язык, качественных изменений, происходящих в семантической структуре лексических единиц якутского языка, в частности, употреблению ярких, выразительных средств в якутском литературном языке. Научные исследования выдающегося учёного, профессора П.А. Слепцова по якутской семасиологии содержат множество идей, послуживших стимулом для дальнейших научных исследований и не исчерпанных до сих пор.

Ключевые слова: якутский литературный язык, процесс изменения норм, лексикология, лексикография, заимствование, семасиология, словообразование, экспрессивность.

Доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Саха (Якутия), заслуженный ветеран Сибирского отделения АН СССР Петр Алексеевич Слепцов – лингвист необычайно широкого диапазона. Трудно перечислить те области якутского языкознания, в которых он не участвовал. Его фундаментальные научные труды имеют непреходящую ценность и широко известны в тюркологическом мире. Среди них основополагающее значение имеют работы по изучению лексического богатства якутского языка.

Первая монографическая работа П.А. Слепцова, за которую ему присуждена ученая степень кандидата филологических наук – «Русские лексические заимствования в якутском языке (дореволюционный период)» была посвящена одному из важнейших разделов лексикологии – лексическому заимствованию в якутском языке. В ней освещены особенности лексико-семантического освоения русских и интернациональных слов в якутском языке до 1917 г. XX столетия, установлен общий объем заимствованных слов, дана классификация по основным лексико-семантическим группам иноязычных слов, которые дали ясное представление о глубоком и разностороннем влиянии русской материальной и духовной культуры на все сто-

роны жизни народа саха до начала XX в. Обратимся еще раз к этой работе.

По степени употребительности заимствованных слов того времени в якутском языке Петр Алексеевич выделил три группы:

1. Слова, выпавшие из словарного состава якутского языка. К ним относятся в основном лексические заимствования из русского языка, которые были распространены ограниченно в дореволюционном якутском языке и семантически не были понятны современным носителям якутского языка без специальных справок. К этой группе относятся слова типа: *убаадал* ‘обыватель’, которое в сочетании со словом *дьаам* обозначало междудворную станцию, *уутунньук* ‘ученик’ – оспопрививатель, фельдшер, *ары-маанка* ‘ремарка’ – отметка на особом лоскутке бумаги о наделении кого-либо земель, приложенном к земельной ведомости, и мн. др. По данным Петра Алексеевича, такие слова составляли 15% всей дореволюционной заимствованной лексики [Слепцов, 1964, с. 64].

2. Слова, входящие в пассивный словарь современного якутского языка. Это группа заимствований, активно функционировавших в дореволюционном якутском разговорном языке, но в настоящее время перешедших в пассивный словарь вследствие вытеснения и архаизации обо-

значаемых ими предметов и понятий. К примеру: *бирикээссик* ‘приказчик’, *судаарыскай* ‘политссылный’, *оспуоччук* ‘извозчик’. Слова, входящие в эту группу, составляли около 35% всех дореволюционных заимствований [Там же].

3. Слова, входящие в активную лексику современного якутского языка. К этой группе относятся такие заимствованные слова, как *норуот* ‘народ’, *дьыала* ‘дело’, *куорат* ‘город’, *сокуон* ‘закон’, *доруобай* ‘здоровый’ и т.д. Они составляют почти 50% дореволюционных заимствований.

Петр Алексеевич уделял большое внимание фонетико-морфологической характеристике русизмов в якутском языке. Ему удалось выяснить закономерности фонетического освоения русизмов в соответствии с требованием фонетической системы якутского языка. А что касается заимствованной лексики в плане морфологической характеристики, то при вхождении в грамматическую систему языка-реципиента она приобретает те же грамматические категории, которые свойственны лексике исконного фонда.

Что касается семантических изменений русизмов того времени, то интересными являются глагольные образования *дьыалайдаа* (от *делай*) ‘обращать внимание’ (употребляется чаще в отрицательной речи): *маннай үөрэнэ иликпинэ утуйбат этим, аанньа дьыалайдаабат буолтум* ‘сначала с непривычки я не спал [во время езды по железной дороге], а потом перестал обращать внимание’ [Пек., 723, 724]; обращать внимание, считать что-либо делом: *мань дьыалайдаабата, уччугуй уол* ‘на это не обратил никакого внимания младший парень’ [Пек., 877]. Имена существительные, наиболее многочисленная часть заимствованных слов, обычно восприняты в форме единственного числа именительного падежа. Кроме того, в качестве имени употребляются и другие лексико-грамматические категории: имена прилагательные, глаголы, местоимения, числительные. Так, например существительные, восходящие к русским прилагательным: *бааһынай* (от пашенный крестьянин) ‘русский крестьянин-земледелец в Якутии’; *сэлиэһинэй* ‘пшеница (от *пшеничный* (хлеб))’; *судаарыскай* ‘политссылный’ (государский), *арсаанай* ‘ржаной хлеб’; *торгуобай* ‘купец, русский торговый (человек)’; *быыпсай* ‘лицо, бывшее в выборной должности царской администрации (от причастной формы в значе-

нии прилагательного *бывший*) [Пек., стб. 620]; *быыбарнай* ‘выборное лицо, член инородной управы’ [Пек., стб. 602] и т.п.

Глаголов, воспринятых в качестве существительных, сравнительно много. Например: *торгууй* ‘продажа’ (от *торгуй*) [Пек., стб. 2738], *толкуй* ‘толк, понимание’ [Пек., стб. 2713]; *куулэй* ‘гуляние, отдых, соседская помощь’ (от *гуляй*) [Пек., стб. 1284]. Определительное местоимение *сээкэй* ‘всякий’ воспринято в качестве существительного со значением «всякая мелочь, всякая всячина», которое широко употребляется до настоящего времени.

В качестве имен прилагательных заимствованы большей частью различные качественные прилагательные типа *боростуой* ‘простой’, *киһтэрэй* ‘хитрый’, *чизэһинэй* ‘честный’, *дьиһкэй* ‘дикий’, *куруубай* ‘грубый’, *кырасабаай* ‘красивый’, *сиэдэрэй* ‘щедрый’ и др. А относительные прилагательные *буолускай* ‘польский’, *аагылыскай* ‘английский’ (от *аглицкий*) [Пек., стб. 26]; *москуоскай* ‘московский’, *солотубуой* ‘золотой’ (от *золотной*), которые характеризуют предметы особого качества, восприняты также как качественные, а не по их отношению к английскому, польскому или московскому производству и «даже не из золота, а красивый» [Пек., стб. 2272]. Те относительные прилагательные, которые зафиксированы в дореволюционных источниках (в основном в газетах и журнале), имели книжные происхождения или были восприняты через образованные слои, знавшие русский язык. Например: *сокуонай* ‘законный’, *окрууснай* (*суут*) ‘окружной’, *хаһыанай* ‘казенный’ и т.д.

Из других частей речи заимствованы наречия: *нэһилэ* ‘насилу’, *чизэрэс* ‘через’, *оруобуна* ‘ровно’ и др. Некоторые прилагательные употребляются в качестве наречий: *бостуой* (пустой) ‘зря, напрасно’; *үлүбүөй* (любой) ‘как угодно, беспорядочно’. Некоторые наречия принимают дополнительные аффиксы и образуют различные варианты: *нэһилэ*, *нэһиһччэ*, *нэһилчэ* ‘насилу’, *куруук*, *куруутун* ‘постоянно’ (от *круг*), местоимения: *саамай* ‘самый’, *сээкэй* ‘всякий’, *сээк* ‘всяк’.

Служебные и модальные слова, восходящие: а) к русским частицам: *дааса* ‘даже’, *чуочуна* ‘точно’, *оруобуна*, *оруопчук* ‘ровно’ и нек. др.; б) к союзам: *арааһа* ‘разве’ [Пек., стб. 136], *даарым* ‘даром’ [Пек., стб. 679], *дьиэсли* ‘если’, *на-*

акка ‘однако’ и др.; в) междометиям: *бахыыба* ‘спасибо’, *бырастыы* ‘прости’, *дорообо* ‘здоровствуй, здорово’, *истиньии* ‘извини’, издавна употребляются повсеместно, постоянно. Кроме того употребляются, особенно у женщин в Колымском округе, такие междометия, как *боччубуой* (от *бог с тобой*), *уоспадьы!* (господи!), *Чоор тубуой* (от *черт с тобой*), *сылаа буох* (от *слава богу*) и некоторые др.

Также в якутском языке имеются слова, у которых значение смещено или приобрело иное значение, на первый взгляд, мало похожее на значение прототипа. Например: *мэндизмэн* ‘этаж (от *фундамент*)’; *торуой* ‘1) второй (сорт, земельный класс)’ // *торуой истиэпэн* ‘вторая степень (словесной расправы)’; *торуой Үөдэй нэһилиэгэ* ‘второй Одейский наслег’; *Торуой ыырай (ыраай)* ‘второй рай (о местности)’; 2) таксовая плата за вскрытие новой колоды игорных карт, карточный оброк (*хаарты торуойа*); 3) определенная плата хозяину за угощение водкой с выигрыша участниками игры, по-местному – *кряк*; *торуойдаа* – отдавать карты в пользование за известную плату (от *второй*) [Пек., стб. 2746]. Некоторые заимствованные слова приобрели значения, мало похожие на значения своих этимонов. Например: *аччаайнай* (от *отчаянный*) ‘причудливый’ – *дьишбэлээх*; *аччаайнай киһи* – ‘причудливый человек’, *аһыыпка* (от *ошибка*); *аһыыпкалаа* – ‘не выполнить обещания или обязательства’: *аһыыпкалаатахпына сокуон истэбилигэр турабын* – ‘в случае невыполнения мною обязательства, я подвергаюсь законному взысканию’ [Пек., стб. 181]. *Дьишбэлээх* (от *диво*) в значении ‘проказник, на костник, позволяющий себе вредные шутки’ [Пек., стб. 825].

Некоторые варианты заимствованных слов приобрели новые оттенки значения. Например: вариант *тиэрэс* (от *через*) употребляется в сочетаниях: *Тиэрэс үчүгэй!* ‘Крайне хорошо!’ *Тиэрэс эрэ үчүгэй!* ‘Уж очень хорошо!’ [Пек., стб. 2655]. А вариант *чиэрэс* (от *через*) имеет более широкое употребление: 1) через, поперек, насквозь; напрямиком, прямой дорогой. *Сэмэбин чиэрэс кын!* ‘Проступок мой извини (в строку не ставь!)’; 2) чрезвычайный, необыкновенный. *Чинчилиэхтэн чиэрэс* ‘необыкновеннее, чем это можно осязать (красота девушки)’, *дэриэтинньик чиэрэһэ* ‘самый необыкновенный из еретиков (злых духов)’ [Пек., стб. 3615] и др.

Слова, имеющие новые значения по ассоциации с якутскими словами сходного значения. Например: *чиэрбэ* ‘(от *червь*) червяк, червь (насекомое), червь дождевой; хитрость, хитрости’, *сирдойду дьишкэй чиэрбэ дьибилгэттээбэ* ‘обладающий гнусными червячными хитростями всей земли’, отсюда – *чиэрбэлээх* ‘лукавый, хитрый’, *сэттэ уон чиэрбэлээх Сэлэнгэдэй удаҕан* ‘имеющая 70 разных червей (хитростей) шаманка Сэлэнгэдэй’. В данном случае значение заимствованного слова *чиэрбэ* и его производного *чиэрбэлээх*, очевидно ассоциировалось с якутскими *уөн*, *уөннээх* ‘насекомое, гадина, которые имеют также переносное значение: притворщик, плутоватый, лукавый, хитрый’ [Пек., стб. 3143–3145].

Производные слова иногда приобретают другое значение, нежели смысл производящей основы, например: *улукса* (от *улица*) отсюда *улуксалаа: тобус уолан киһи улуксалаан* ‘девять молодых людей рядом, шеренгой стоят (как бы улицей)’ [Пек., стб. 3007].

Таким образом, в этой работе автор обобщил сведения о дореволюционной заимствованной лексике из русского языка и сделал вывод о том, что «русские слова стали проникать в якутский язык со времени вхождения Якутии в состав Московского государства, со времени первого соприкосновения с представителями русского народа, то есть с середины XVII века» [Слепцов, 1964, с. 175]. В конце монографии приводятся полный перечень заимствованных слов с указанием их русского прототипа и различные варианты произношения одного и того же слова (*арсыын*, *ассыын* ‘аршин’, *сибиниэс*, *симиниэс*, *симилиэс* ‘свинец’).

Петру Алексеичу было интересно проследить процесс и характер влияния русского языка на якутский и выявить лингвистические и экстралингвистические причины, обуславливающие особенности функционирования и освоения заимствованной лексики в разные периоды развития якутского языка. Вслед за первой работой в 1975 г. вышла его вторая солидная монография «Русские лексические заимствования в якутском языке (послереволюционный период)», содержащая глубокий анализ русизмов с точки зрения объема, характера, особенностей функционирования и их вхождения в лексическую систему якутского языка. В результате последовательного анализа семан-

тических, структурных и фонетико-морфологических особенностей русизмов ему удалось определить два основных экстралингвистических фактора заимствования, а именно: развитие якутско-русского двуязычия среди якутского населения и становление, развитие современного якутского литературного языка. Петр Алексеевич предложил весьма обоснованную периодизацию русских заимствований, которая тесно связана с этапами развития якутского литературного языка, и конкретно показал поэтапно коренные изменения, произошедшие до конца 70-х гг. XX столетия под влиянием русского языка во всей лексико-семантической системе якутского языка. Однако основным результатом влияния русского языка на якутский язык, по его мнению, являются обогащение стилистических средств и функционально-стилистическая дифференциация якутского литературного языка [Слепцов, 1975].

Трудно переоценить результаты работы проф. П.А. Слепцова в области якутской лексикографии, прежде всего, его семасиологические разработки по составлению разных типов словарей и справочников. При этом он всегда это связывал с нормализацией и развитием якутского литературного языка, в частности, его лексико-семантической системы. В 1972 г. в издательстве «Советская энциклопедия» увидел свет «Якутско-русский словарь» под его редакцией, содержащий более 25 тысяч единиц современного якутского языка. Это был первый опыт составления двуязычного словаря, который призван содействовать развитию и установлению норм современного якутского литературного языка. Он содержит основной фонд общеупотребительной лексики и фразеологии якутского языка, неологизмы советского периода. В нем более детально разработаны словарные статьи, довольно широко представлены устойчивые словосочетания и идиоматические выражения, а также устаревшие и диалектные слова. В настоящее время данный словарь стал незаменимым настольным пособием для всех тех, кто вплотную сталкивается с якутским и русским языками.

Углубляясь все более и более в проблемы лексикологии якутского языка, Петр Алексеевич обратил внимание на такую совершенно еще не разработанную тогда область лексикографии, как создание Большого академического

толкового двуязычного словаря якутского языка. В настоящее время подготовлен к изданию последний 15 том Большого толкового словаря якутского языка, основная цель которого заключается в стремлении показать и всесторонне охватить многовековой лексический и фразеологический фонд родного языка со всеми его семантическими особенностями и оттенками. Такой фундаментальный словарь дает не только пользователем, но и специалистам филологического профиля богатый достоверный фактический материал на двух государственных языках Республики Саха с этимологией лексических единиц, притом в таком систематизированном, сконцентрированном виде, в каком он не представлен ни в одном другом лексикографическом источнике в тюркских языках. Благодаря заслугам Петра Алексеевича со времени создания научного подразделения по лексикологии и лексикографии собран исходный картотечный академический фонд лексикона якутского языка, который насчитывает более трех миллионов цитатных карточек из лучших произведений классиков якутской литературы, народных писателей Якутии, писателей старшего, среднего и молодого поколения и из различных источников на якутском языке. Академическая картотека якутского языка, безусловно, служит не только основой для составления словарей разного типа, но и надежным источником для проведения широкого круга разнообразных научных исследований в области якутской филологии и создания национального корпуса якутского языка.

Исключительно огромное значение для развития якутской лингвистической науки имеют труды Петра Алексеевича, посвященные становлению, развитию общенациональных норм якутского литературного языка (далее – ЯЛЯ). Петром Алексеевичем в двух монографиях исследованы такие важные проблемы, как язык дореволюционной письменности и зачинателей якутской художественной литературы, становление норм современного литературного языка в 20–30-е гг. XX в., и наконец, процесс разработки и внедрения грамматических, фонетических, орфографических норм и изменения норм словоупотребления на богатом материале учебной, художественной и общественно-политической литературы [Слепцов, 1986; 1990a]. В них также рассматриваются дискуссионные вопросы взаи-

моотношения младописьменного литературного языка на различных этапах его развития с языком художественной литературы и устного народного творчества. Изучив язык и стиль основателей якутской литературы, а также письменную культуру периодических изданий и учебных пособий до и конца XX столетия в аспекте становления и развития норм якутского литературного языка, он предлагает следующую периодизацию: I этап дореволюционный – период формирования истоков современного якутского литературного языка; затем II этап – послереволюционный, в который включены четыре этапа, объективно характеризующих ситуации XX в. Это – «распространение письменности С.А. Новгородова, проведение целенаправленной работы по разработке и внедрению единых, общеобязательных норм (I этап – 1917–1924 гг.); распространение новотюркской унифицированной письменности, дальнейшее расширение и укрепление общественных функций якутского языка, целеустремлённая работа деятелей культурного, языкового строительства по нормализации ЯЛЯ (II этап – 1930–1940 гг.); переход якутской письменности на новый алфавит на основе кириллицы и в связи с этим детальная разработка и кодификации фонетико-орфографических, грамматических и лексических норм ЯЛЯ, появление первых крупных эпических произведений якутских писателей, а также лучших переводов классиков русской литературы, общее усиление роли всей письменной литературы в связи с повышением уровня образования населения. В связи с кодификацией норм ЯЛЯ приобретает подлинные черты национального ЛЯ (III этап – 1940–1960 гг.); нормализация ЛЯ поднимается на новую, качественную ступень: ускорение и усиление объективно-стихийного процесса литературной нормализации в связи с возмужанием всей якутской письменной литературы и возвращением народу творческого наследия писателей и деятелей языкового строительства 20–30-х гг. П.А. Ойунского, подготовлены, изданы первые академические нормативные словари, отраслевые терминологические словари, нормализация грамматических и лексических явлений, укрепление научной базы для нормализационной деятельности (IV этап – с 1960 по настоящее время)» [Слепцов, 1990б, с. 49–50].

Во второй главе монографии «Якутский литературный язык. Формирование и развитие общенациональных норм» [1990а] Петр Алексеевич впервые подробно описал изменения, происходящие в нормах словоупотребления якутского литературного языка в новейший период его развития. Он наметил следующие общие тенденции: 1) функциональное расслоение и функциональная дифференциация словарного состава якутского языка. Это такие семасиологические изменения в семантическом составе лексики, как: а) актуализация некоторых семантических групп и пластов, выдвижение их в основной словарный состав литературного языка, б) архаизация целых лексико-семантических групп лексики, связанных со старым укладом жизни, бытом и реалиями дореволюционного периода, в) функционально стилистическая дифференциация лексики якутского литературного языка; 2) возрастание всестороннего влияния русского языка на развитие лексики якутского литературного языка; 3) увеличение продуктивности словообразовательных средств, образующих дериваты с абстрактным значением; 4) расширение сферы и объёма семантических инноваций, направленных на повышение коммуникативных и выразительных возможностей языка; 5) активизация фразеологического фонда в связи с интенсивным его вовлечением в орбиту литературного языка [Слепцов 1990б, с. 102]. Интерес для нас представляет его подробное описание одного из характерных явлений в развитии лексики якутского языка во второй половине XX столетия – это вытеснение из терминологической сферы исконных образований русизмами. Составные образования, терминологические словосочетания, народно-разговорные, традиционные формы, появившиеся в конце 20-х – начале 30-х гг. XX в., подверглись вытеснению заимствованными словами. Например, *итэбэл сурук – дэбиэринэс* ‘доверенность’, *өрө туруу – бастаанна* ‘восстание’, *хонуу куйаар – истиэп* ‘степь’, *тымыр тэбиитэ* ‘пульс’, *иллэн миэстэ* ‘вакансия’, *сиргэ ситимнээһин (тилийиш)* ‘заземление’, *от охсор массыына* ‘косилка’, *хаарбах тимир* ‘металлолом’, *саҕаны айааччы* ‘новатор’, *хаһаайыстыбаннай ахсаан* ‘хозрасчёт’ и др. А также русизмам уступают свое место однословные якутские термины. Например: *курдааһын* ‘пояс’, *мэктиэ* ‘гарантия’,

сүһүөх, кэрдиис ‘степень’, *сигили (майгы)* ‘характер’, *үрүңэс* ‘белок’, *абырах* ‘ремонт, сирэй’ ‘страница’ и др. Основной причиной этого явления П.А. Слепцов считает прогрессирующее двуязычие якутского населения, а также стремление языка к смысловой точности, относительному изоморфизму значений слов и выражаемых ими понятий [Слепцов, 1990б, с. 112]. Однако многие термины, появившиеся в первой половине XX столетия из собственных ресурсов якутского языка, активно функционируют в настоящее время. По статистическим данным Петра Алексеевича, в сфере общественно-политической лексики активно употребляются свыше 700 оригинальных терминов и терминологических сочетаний. Среди них имеются относительно недавно появившиеся термины типа: *абырымнааһын* ‘спад’, *анаарыы* ‘взгляд’, *батарыы* ‘спад’, *динг кырдьык* ‘правда’, *идэтитии* ‘специализация’, *олох уйгута* ‘благополучие’, *симэлийи* ‘отмирание’, *дьаһалта* ‘администрация’, *төрүттээчи* ‘основоположник’ и др. Петр Алексеевич выявил с достаточной полнотой причины вытеснения исконных терминов заимствованными словами. Причина кроется в их многочисленных связях и отношениях в лексико-семантической системе языка, которые не смогли порвать и ослабить относительно нечасто специализированное терминологическое употребление. Помимо этого П.А. Слепцову удалось описать динамику изменения соотношения исконной лексики и русизмов в различные периоды развития якутского литературного языка на материале газеты «Кыым», показать процесс образования неологизмов, созданных по продуктивным и универсальным словообразовательным моделям из комбинаций активных корневых слов и аффиксальных морфем, а также аналитическим путём; раскрыть качественные изменения, происходящие в семантической структуре лексических единиц якутского языка, в том числе в употреблении диалектных слов, также ярких, выразительных, идиоматических средств в якутском литературном языке.

Значительное место в научной деятельности Петра Алексеевича занимает проблематика, связанная со сравнительно-историческим изучением словарного состава якутского языка. В его «Истории якутского языка» имеется специальная глава, освещающая вклад разных языков,

прежде всего тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских, в формирование и развитие лексики якутского языка. Петр Алексеевич не только не ограничивает себя сравнительно-историческим описанием слов, но и скрупулезно прослеживает происходившие изменения в фонетическом, морфологическом, синтаксическом аспектах якутского языка. В книге большое внимание уделено вопросам историографии, в том числе современным взглядам на происхождение якутского народа и его языка. Хотя «История якутского языка» предназначена для студентов в качестве учебного пособия, но богатство и разнообразие фактического материала, детальность, скрупулезность научного анализа и в то же время умение делать широкие обобщения имеют большое научное значение.

Помимо монографических исследований, Петру Алексеевичу принадлежит ряд статей, в которых выдвинуты методические и методологические принципы составления Большого толкового словаря якутского языка, а также рассмотрены некоторые узловые конкретные проблемы семасиологии и лексикографии якутского языка, которые отражены в его последующих публикациях. Достаточно перечислить некоторые из них: «Творчество П.А. Ойунского и якутский литературный язык» (1986), «Вариантность слова в якутском языке как нормализационная проблема» (1987), «О новом типе толкового словаря тюркских языков» (1988), «Якутская терминология» (2000), «Некоторые проблемы языка периодической печати» (2008) и др.

Много внимания уделял Петр Алексеевич и такому важному и слабо разработанному разделу лексикологии, как семасиология. В его неопубликованной работе «Лексика современного якутского языка» (в качестве отчета, утвержденного ученым Советом института от 12.11.1976), хранящейся в архиве Института, автор убедительно раскрывает качественные и количественные изменения в семантической структуре исконной лексики якутского литературного языка. Выявляя закономерности развития семантической структуры слов и определяя изменения узуальных значений многозначных слов, Петр Алексеевич установил, что в данном процессе решающими являются активизация лексических синонимов некоторых

значений многозначных слов и постепенное вытеснение омонимов под воздействием заимствованной лексики из русского языка. При этом терминологическое употребление подобных заимствованных слов приводит к тому, что они наряду с исконно якутскими словами производят «передел» значений полисемантических слов. Это один из источников обогащения лексики якутского литературного языка. Помимо этого Петр Алексеевич совершенно верно указал на такие изменения в семантике слов, как абстрагизация, сужение, расширение конкретных значений полисемантического слова; специализация более общих значений, которые также являются источниками обогащения лексического состава языка. Это очень важный процесс дальнейшего качественного развития и совершенствования лексико-семантической системы якутского языка.

Петр Алексеевич Слепцов является одним из тех исследователей, который впервые в якутском языкознании обратил внимание на такую важную категорию языка и речи, как экспрессивность. Под его научным руководством была успешно защищена и в 1994 г. вышла в виде монографии кандидатская диссертация В.И. Лиханова «Эмоционально-оценочные и экспрессивные слова в якутском языке» (1994). П.А. Слепцов всегда отмечает, что якутский литературный язык наделен богатыми экспрессивными ресурсами, особенно язык художественной литературы и разговорный язык. В серии монографий о якутском литературном языке [Слепцов, 1986; 1990а] П.А. Слепцов особо выделяет выразительность и красочность якутской речи. Так, Петром Алексеевичем сделан подробный анализ языка произведений зачинателей якутской художественной литературы А.Е. Кулаковского, А.И. Софронова, Н.Д. Неустроева, основоположника якутской советской литературы П.А. Ойунского, писателей-классиков А.А. Иванова-Күндэ и С.С. Яковлева-Эрилик Эристиина. При этом большое внимание уделяется своеобразному стилю писателей, употреблению ими народных выразительных средств, образных слов, формульных элементов, афоризмов и т.п., что придает произведению особую экспрессивность. Обобщая наблюдения над языком произведений А.Е. Кулаковского, П.А. Слепцов пишет, что значение его творче-

ства с точки зрения развития норм литературного языка состоит в том, что он «демонстрировал своеобразную красоту, богатство народного языка, отшлифованные многовековым развитием фольклора, и дал ему более совершенную форму в духе устной народной традиции. С точки зрения нормы особый интерес представляет его бережное отношение к традиционным средствам языка, стремление выявить все оттенки и нюансы живого слова, использовать все наиболее яркое, семантико-стилистически выразительное в народном языке» [Слепцов, 1986, с. 85].

В произведениях А.И. Софронова экспрессивность передается также при помощи традиционных выразительных средств. Однако, как выявил П.А. Слепцов, будучи взыскательным художником, он искал новые формы, средства художественно-языкового выражения действительности. Фольклорные выражения, формулы, метафоры в поэзии Софронова встречаются в виде прямых цитаций все реже. Они обычно присутствуют в виде тонких поэтических реминисценций. Произведения А.И. Софронова полны своеобразными эпитетами, афоризмами. «Основным признаком и наиболее сильной стороной поэтического слова Софронова является необычность, необыденность словосочетаний, которые делают слово очень выразительным, емким, впечатляющим» [Там же, с. 94].

П.А. Слепцов рассмотрел особенности языка поэзии А.И. Софронова в основном на уровне лексических единиц. Особо отметил стихотворения «К родному краю», «Костер у шалаша», «Полярная ночь», «Утренняя звезда» и др., которые «отличаются богатством эмоционально-экспрессивной лексики, точностью и яркостью эпитетов, свежими поэтизмами» [Там же, с. 95]. Выделено обильное употребление парных и удвоенных слов, что также создает необычную экспрессивность: «Многие эмоционально-экспрессивные парные наречные образования (*бадаба-майгыта, кэтэбэ-кэмэ, суолтата-суобаһа, ахсаана-арда* и т.п.) не имеют самостоятельного значения и образуют с глагольными словами неразрывное семантическое единство. Они обладают сильным эмоционально-экспрессивным зарядом» [Там же, с. 98].

Анализируя язык творчества П.А. Ойунского, П.А. Слепцов также отметил «многообразие изобразительных средств народного языка: об-

разные слова с различными эмоционально-экспрессивными оттенками, разнообразие звукоподражаний»: «В громадном большинстве своих произведений Ойунский прибегает к изобразительной лексике, связанной с положительной экспрессией, порождающей чувства радости, восхищения, яркого света», и пишет, что «вопрос этот требует специального рассмотрения» [Там же, с. 178].

О языке произведений Эрилик Эристиина отмечено то, что он в совершенстве владел народным разговорным языком и языком фольклора. Анализируя основные особенности языка рассказов и повестей Эрилик Эристиина, П.А. Слепцов выделяет именно экспрессивную сторону языка писателя. В качестве примера он приводит слово «баҕаттан» из рассказа «Хачыгыр»: «Тааһы иккиһин куруппаланнат баҕаттан. 'Чтобы не дать камню молот в второй раз'. Слово "баҕаттан" в принципе можно было заменить синонимами "наадаттан", "наадатыгар" или послелогом "иһин". Однако последние придали бы фразе книжно-письменный налет. Вариант же писателя является более традиционным, изображающим невыносимую жизнь сироты-батрачка. При этом более важным является то, что лексема "баҕаттан" обладает в общем контексте большой экспрессивной силой» [Слепцов, 1990а, с. 167]. В том, что язык Эристиина обладает «огромной эмоционально-экспрессивной выразительностью», П.А. Слепцов видит два важных истока:

1. Писатель привержен первичной, лингвистической экспрессивности якутского языка. Здесь П.А. Слепцов выделяет многочисленные синтаксические конструкции и изобразительные слова: «Широко развитые в якутском языке так называемые изобразительные слова имеют резко выраженную эмоционально-оценочную экспрессию. Эрилик Эристиин мастерски пользуется этой первичной лингвистической экспрессивностью якутского разговорного языка»

2. Тесная связь с родным фольклором. «Огромное влияние языка фольклора несет на себе повествовательный язык самого писателя» [Там же, с. 174].

В конце анализа языка произведений Эрилик Эристиина П.А. Слепцов делает заключение, что «в произведениях Эрилик Эристиина можно проследить процесс превращения первичной –

языковой – экспрессивности во вторичную – художественную (в узком смысле – художественную тропичность)» [Там же, с. 178].

Якутский народный язык – это, прежде всего язык фольклора и разговорная речь народа. По заключению фольклористов и языковедов, язык фольклора являлся устным литературным языком якутского народа. Они оказали огромное влияние на развитие и формирование современного якутского литературного языка. «Язык фольклора, особенно олонхо, пропитан особой лексикой, несущей в себе все краски, оттенки человеческих чувств. И это качество языка фольклора оказало огромное влияние на разговорный язык народа. Такие красочные слова, образно выражающие наши чувства, мысли, являются самой яркой стороной лексики», – отмечает П.А. Слепцов [Ахтыылар..., 2004, с. 22–23]. В монографии П.А. Слепцова исследованию языка фольклора, его отношения к литературному языку посвящена отдельная глава, где он пишет, что «литературный язык – это освоенная письменной литературой сокровищница национальной духовной культуры народа. Кладовая экспрессивности якутской речи – это фольклор, исконная, самобытная речь якутов» [Слепцов, 1990а, с. 152].

Именно любовь к красноречию является фактором зарождения такого богатого якутского фольклора, который сыграл огромную роль в формировании и развитии якутского литературного языка.

Уникальный материал для исследования экспрессивности якутского языка представляют собой изобразительные слова. В состав изобразительных слов якутского языка входят образные и звукоподражательные слова. Они рассматриваются исследователями как «особый пласт экспрессивной лексики якутского языка» (П.А. Слепцов, П.С. Афанасьев, В.И. Лиханов и др.). Говоря об изобразительной лексике, П.А. Слепцов отмечает, что этот пласт лексики является особенностью живой разговорной речи, но берет свое начало из языка фольклора: «Язык фольклора оказал огромное влияние на разговорный язык народа, формирование своеобразия его норм. Оно состоит в совершенно свободном употреблении большого количества вариантных средств языка, в том числе сильно развитой синонимии, афористических, фор-

мульных элементов, ставших достоянием общего разговорного языка. Особенность разговорного языка – его насыщенность эмоционально-экспрессивной лексикой, особенно изобразительными словами, усиленное влияние фольклора» [Слепцов, 1986, с. 11].

Относительно изобразительных слов П.А. Слепцов высказал важный тезис о том, что их основное значение – именно экспрессивность: «Широко развитые в якутском языке, так называемые изобразительные слова имеют резко выраженную эмоционально-оценочную экспрессию. Вернее было бы сказать, что в изобразительных словах экспрессивность является настолько доминирующей, что она фактически представляет собой основное значение этих слов, формирующееся в основном на уровне представлений» [Слепцов, 1990а, с. 174]. И так, П.А. Слепцовым обоснованы важные теоретические моменты экспрессивности, им был заложен мощный фундамент для дальнейшего исследования в якутском языке этого яркого и своеобразного явления языка и речи.

Таким образом, Петр Алексеевич, благодаря огромной лингвистической эрудиции и широкому культурно-историческому кругозору, заложил прочные основы для дальнейшего изучения лексико-семантической системы якутского языка в диахронном и синхронном аспектах, которые ныне привлекает к себе внимание многих языковедов. Его научные труды всегда отличаются новизной идей, глубиной теоретических и методологических разработок, аргументированностью и обоснованностью выводов и обобщений, которые основываются на скрупулезном анализе огромного фактического материала. По пути, проложенному проф. П.А. Слепцовым в области лексикологии, лексикографии якутского языкознания, идёт целая школа его учеников, которые

продолжают и развивают идеи и положения своего учителя, выдающегося деятеля науки РФ и РС (Я), прекрасного руководителя, отзывчивого, доброго человека.

Литература

Ахтыгылар. Олоххо үтүө өйдөбүлү хаалларбыта (В.И. Лиханов туһунан) – Дьокуускай, 2004. – 90 с.

Слепцов П.А. Русские лексические заимствования в якутском языке (дореволюционный период). – Якутск, 1964. – 196 с.

Слепцов П.А. Русские лексические заимствования в якутском языке (послереволюционный период). – М.: Наука, 1975. – 182 с.

Слепцов П.А. О работах Г.У. Эргиса по якутскому языку // Мифология народов Якутии: сб. науч. тр. – Якутск, 1980. – С. 83–92.

Слепцов П.А. Якутский литературный язык. Истоки, становление норм. Ч. 1. – Новосибирск: Наука, 1986. – 260 с.

Слепцов П.А. Якутский литературный язык. Формирование и развитие общенациональных норм. – Ч. 2. – Новосибирск: Наука, 1990а. – 273 с.

Слепцов П.А. Якутский литературный язык (историки, нормы словоупотребления): дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1990б. – 56 с.

Слепцов П.А. Саха тылын чинчийии сана кэрдиис кэмэ // Саха тылын наукатын туруу үлэһитэ П.А. Слепцов төрөөбүтэ 65 сыла. – Якутск: Изд-во ЯГУ, 1996. – С. 8–42.

Слепцов П.А. Кулаковский и судьбы родного языка // Кулаковский А.Е. и время. – М., 2003. – С. 366–407.

Слепцов П.А. Ступени и проблемы якутского языкознания: сб. науч. ст. – Якутск: Изд-во ИГиИПМНС СО РАН, 2008. – 544 с.

Сокращение

Пек. – Пекарский Э.К. Словарь якутского языка: в 3 т. – 2-е изд., фотомеханическое. – СПб., 1958–1959.

F.N. Dyachkovskiy, A.M. Nikolaeva

Sleptsov – the Founder of Semasiological Directions of the Yakut Lexicology

The paper is devoted to scientific activities of Doctor of Philology, Professor, Member of the Academy of Sciences of Sakha Republic (Yakutia) Petr Alekseevich Sleptsov in the lexicology of the Yakut language as a pioneer of the field who meticulously and thoroughly researched into the process of standard development and introduction in all aspects of the Yakut linguistics, including the vocabulary of the Yakut language. The paper provides a close look at the results on the Yakut vocabulary obtained by Professor Petr Sleptsov based on his theoretical conclusions. A special attention is

paid to the process and influence of Russian loanwords on the Yakut language, qualitative changes in the semantic structure of Yakut lexical units, in particular, the use of colorful, figurative means in the Yakut literary language. The research of an outstanding scientist Professor Petr Sleptsov on lexicology and lexicography contain a great number of ideas that have inspired further studies.

Keywords: Yakut literary language, the process of standard change, lexicology, lexicography, borrowing, word formation, expressivity.

С.Н. Курилова

DOI: 10.25693/IGI2218-1644.2018.03.24.016

УДК 811.554

Проблемы становления общенациональных норм юкагирского литературного языка

Статья посвящена вопросам становления юкагирского литературного языка и определению направлений его дальнейшего развития. Особое внимание уделено причинам, препятствующим выработке литературных норм. Основная причина кроется в значительном расхождении систем двух сохранившихся до наших дней юкагирских диалектов, что обусловлено, с одной стороны, спецификой исторических условий формирования юкагирского языка, а с другой – иноязычным влиянием. Фонетические и лексические различия между тундренным и лесным диалектами, обозначенные за последние десятилетия исследователями, подвели к вопросу о пересмотрении таксонов юкагирских идиомов и переводе их в статус самостоятельных близкородственных языков. Как следствие, выработанные графика и орфографические нормы, рассчитанные на юкагирские идиомы в статусе диалектов, на практике стали достоянием тундренных юкагигов и не получили должного распространения у лесных юкагигов. С учетом этого, по мнению зачинателя юкагирской письменности и орфографии Г.Н. Курилова, необходимо предпринять кодификацию имеющихся расхождений и доработать существующие нормы и правила юкагирского правописания. Предлагаемая им реформа литературного языка также предусматривает модернизацию языка с привлечением материала не только двух сохранившихся, но и зафиксированных в различных источниках исчезнувших юкагирских языков, т.е. за счет собственных словообразовательных ресурсов. Общепринятая форма языка позволит расширить сферы и формы его общественно-речевой практики.

Ключевые слова: тундренные юкагиры, лесные юкагиры, юкагирский язык, идиом, диалект, литературный язык, письменность, норма, совершенствование, словообразование, заимствование, аффикс.

Начало 90-х гг. XX в. принято считать началом становления литературного юкагирского языка (далее – ЮЛЯ), заделом для которого явились разработанная в 1969 г. письменность и кодифицированный в 1987 г. алфавит. В узком понимании, литературный язык – это обработанная и нормированная форма национального языка, противопоставляемая территориальным диалектам и принимаемая диалектоносителями за образцовую. Поскольку мы уже располагаем конкретной датой возникновения ЮЛЯ (по источникам это 1993 г.), то в данной статье мы попытаемся выяснить, на каком этапе развития он находится и насколько целесообразно применение понятия «литературный язык» по отношению к современному юкагирскому языку.

Юкагирский язык в настоящее время представлен двумя сохранившимися идиомами – тундренным (северным) и лесным (южным). Тундренный идиом характерен для юкагигов Нижней Колымы (самоназвание – вадул), лесной – для юкагигов Верхней Колымы (самоназвание – одул). Статус диалектов эти два идиома юкагирского языка получили в исследованиях В.И. Иохельсона, первым открывшим их миру. Он писал: «...Оказалось, что не только язык еще сохранился в Верхнеколымских юкагирских родах, но что выработался отдельный тундренный диалект» [Иохельсон, 1900, с. 158]. Позднее, имея уже достаточно языкового материала, Иохельсон с уверенностью констатировал наличие двух диалектов юкагирского языка:

© С.Н. Курилова, 2018